

ТАЙНА

Блэкторн-Холла

А. МИЛЛИОНОВ

Алексей Миллионов

Тайна Блэкторн-Холла

<https://litres.ru/74251094>

SelfPub; 2026

Аннотация

Получив известие о странной болезни своего дядюшки, Эдвард поспешно приезжает к нему в старый замок. На пороге его встречает удивительно красивая девушка. Какие же еще тайны скрывает от него Блэкторн-Холл и его обитатели?...

Содержание

Глава I. Письмо	4
Глава II. Тени детства	12
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Алексей Миллионов

Тайна Блэкторн-Холла

Глава I. Письмо

Лондон, октябрь 1873 года

Утро в Лондоне было серым и промозглым, как и большинство осенних дней в этом великом городе. Туман, густой и маслянистый, стелился по Бейкер-стрит, приглушая звуки просыпающегося города. Издалека доносились гудки паровозов с вокзала Паддингтон и крики разносчиков угля, но в маленькой комнате на третьем этаже дома № 27 царила мертвая тишина.

Мистер Эдвард Рейнхарт, двадцати пяти лет от роду, сидел за узким письменным столом, уставленным стопками бумаг и чернильницами. Его жилище, состоящее из одной комнаты и крошечной кухоньки, было типичным для молодого человека его положения — единственного сына обедневшего джентльмена, лишенного семейных связей и стабильного дохода. Стены, обклеенные выцветшими обоями с узором из акантовых листьев, покрылись пятнами сырости, а единственное окно, забранное решеткой, пропускало мало света.

Эдвард был высок ростом, с тонкими аристократическими чертами лица, унаследованными от матери — итальян-

ской графини, вышедшей замуж за английского сквайра вопреки воле семьи. Его волосы, темные и слегка вьющиеся, падали на высокий лоб, а глаза цвета осеннего неба смотрели на мир с меланхолической задумчивостью. Одет он был скромно, но с достоинством: черный сюртук, белая рубашка с высоким воротником и серые брюки. На лацкане поблескивала булавка с крошечным изумрудом — единственное семейное наследство, которое ему удалось сохранить.

Перед ним лежал чистый лист бумаги и перо, замершее над чернильницей. Эдвард зарабатывал на жизнь литературной поденщиной — писал рецензии для *The Athenaeum*, небольшие фельетоны для *Pall Mall Gazette* и иногда стихи, которые редко печатали. Сегодня он пытался сочинить эссе о влиянии индустриальной революции на английскую поэзию, но мысли его упорно возвращались к более приземленным заботам: квартплате, которую миссис Хиггинс требовала уже третий месяц, и письму от кредитора, лежащему в ящике стола.

В дверь постучали — три коротких, нетерпеливых удара. Эдвард вздохнул и отложил перо.

— Войдите, — сказал он устало.

Дверь со скрипом отворилась, и в комнату вошла миссис Хиггинс — дородная вдова лет пятидесяти с лицом, покрытым сеткой морщин, и голосом, способным перекрыть шум лондонского дока. На ней было платье из блестящего ситца с множеством оборок и чепец, завязанный под подбородком.

В руках она держала поднос с чаем и письмо.

— Вот ваш завтрак, мистер Рейнхарт, — проворчала она, ставя поднос на стол. — И почта. Пришло от какого-то важного господина, судя по печати. Черный воск, ворон на гербе. Небось, счет очередной.

Эдвард взял письмо, не обращая внимания на чашку с заварным чаем, уже остывшим. Его пальцы замерли, увидев герб: ворон, держащий в когтях розу с шипами. Это был знак Рейнхартов — древний герб, которым пользовались его предки еще со времен Тюдоров. Отправитель — сэр Гилберт Рейнхарт из Блэкторн-Холла.

Дядя Эдварда был загадочной фигурой даже для собственной семьи. После смерти родителей Эдварда — в эпидемию холеры 1854 года — сэр Гилберт взял на себя опеку над мальчиком, но никогда не проявлял к нему теплых чувств. Единственный раз он появился в жизни племянника, когда тот достиг совершеннолетия, и тогда же объявил, что Эдвард является его единственным наследником. С тех пор прошло восемь лет, и единственным общением между ними были сухие письма с небольшими денежными переводами — ровно столько, чтобы Эдвард не умер с голоду.

Эдвард сломал печать серебряным ножом для бумаги и развернул плотный лист. Почерк дяди, некогда твердый и уверенный, теперь дрожал, словно перо держала рука умирающего:

Мой дорогой Эдвард,

Пишу тебе в час, когда тьма сгущается не только за окнами Блэкторн-Холла, но и в моем разуме и теле. Болезнь, что терзает меня уже шесть месяцев, не поддается ни врачебному искусству, ни молитвам. Ночью я вижу ее — женщину с глазами, горящими, как угли в кузнице, и волосами, подобными потокам крови, стекающим по стенам моей спальни. Она шепчет мое имя, касается моего лица ледяными пальцами, и я чувствую, как жизнь покидает меня капля за каплей.

Я не верю в сверхъестественное, Эдвард. Я — человек разума, воспитанный в традициях нашей семьи. Но страх мой сильнее разума, и я не могу отрицать то, что вижу и чувствую. Ты — мой единственный наследник, последний из крови Рейнхартов. Приезжай в Блэкторн-Холл без промедления. Я должен поведать тебе тайну, что тяготеет над нашим родом с незапамятных времен.

Если я умру, прежде чем ты прибудешь, ищи правду в часовне под замком. Но бойся ее. Она ждет. И она знает твое имя.

*Твой дядя,
Гилберт Рейнхарт*

Эдвард перечел письмо трижды, и с каждым разом холодок пробирал его до костей. Женщина с горящими глазами? Часовня под замком? Блэкторн-Холл всегда был окутан слухами и легендами. Еще ребенком Эдвард слышал от няни страшные сказки о призраках, бродящих по его коридорам, о сокровищах, спрятанных в подземельях, и о проклятиях, наложенных на весь род Рейнхартов. Но сэр Гилберт, человек рациональный и суровый, никогда не поощрял подобные суеверия. Он презирал все, что не поддавалось научному объяснению.

"Болезнь," — подумал Эдвард. — "Это всего лишь болезнь. Бред умирающего разума." Но почему тогда письмо написано так отчетливо, с такой пугающей ясностью? И почему дядя, всегда скупой на слова, вдруг решает открыть семейную тайну именно сейчас?

Он встал и подошел к окну. Туман немного рассеялся, открывая вид на шумную улицу. Кэбмены сновали туда-сюда, лоточники выкрикивали свой товар, а мальчишки-газетчики уже размахивали свежими выпусками Times. Жизнь в Лондоне текла своим чередом, не ведая о мрачных тайнах Блэкторн-Холла.

Эдвард вернулся к столу и начал собираться. Он достал из сундука свой лучший костюм — темно-синий сюртук с шелковыми обшлагами, кожаные перчатки и цилиндр. Затем упаковал небольшую сумку: смену белья, бритвенные при-

надлежности, несколько книг и перо с чернильницей. Последним он положил письмо дяди, но вдруг, передумав, аккуратно сложил его и спрятал в нагрудный карман.

Миссис Хиггинс, заметив его приготовления, сунулась в комнату.

— Куда это вы собрались, сэр? — спросила она с подозрением. — Небось, опять к каким-нибудь богемным друзьям?

— В Хэмпстед, — коротко ответил Эдвард, проверяя, на месте ли кошелек. — К дяде.

— В Хэмпстед? — миссис Хиггинс перекрестилась. — В тот старый замок? Боже сохрани! Там, говорят, нечисто. Моя покойная тетушка, царствие ей небесное, рассказывала про призраков в Блэкторн-Холле. Женщину в белом, что заманивает мужчин...

— Благодарю за заботу, миссис Хиггинс, — прервал ее Эдвард, надевая цилиндр. — Я вернусь через несколько дней. Пожалуйста, присмотрите за моей комнатой.

Он спустился по узкой лестнице, оставил хозяйке несколько шиллингов и вышел на улицу. Воздух был пропитан запахом угля, конского навоза и сырости. Эдвард поднял руку, подзывая кэбмена.

— На вокзал Хэмпстед, — сказал он, садясь в кэб.

Кэбмен хлестнул лошадей, и коляска покатила по мощеным улицам. Эдвард смотрел в окно, но видел не лондонские дома, а мрачные очертания Блэкторн-Холла, который не посещал с детства. Замок возвышался на холмах Хэмпстеда —

одиноким, неприступным, словно созданный не для жизни, а для того, чтобы хранить тайны.

Сердце его билось учащенно — от волнения, страха и смутной надежды, что наследство дяди изменит его судьбу. Но где-то в глубине души шевелилось предчувствие: он едет не за богатством, а навстречу чему-то гораздо более опасному.

Кеб остановился у вокзала. Эдвард расплатился и вошел в здание, где уже собирались пассажиры утреннего поезда. Паровой котел шипел, выпуская клубы пара, а носильщики с багажом. Несмотря на финансовые трудности, Эдвард купил билет первого класса и занял место у окна.

Поезд тронулся ровно в десять часов. Лондон постепенно исчезал, сменяясь предместьями, а затем и зелеными холмами Хэмпстеда. Эдвард достал письмо дяди и еще раз перечел его, пытаясь найти между строк скрытый смысл.

"Она знает твое имя," — эти слова не выходили у него из головы. Кто она? И почему Блэкторн-Холл, место его детских страхов, вдруг стал такой реальной угрозой?

Поезд замедлил ход. Хэмпстед. Эдвард взял сумку и вышел на платформу. Воздух здесь был чище, пах соснами и влажной землей. Он нанял кеб и назвал адрес.

Через полтора часа тряски по ухабистой дороге замок показался вдали. Блэкторн-Холл возвышался на вершине холма, его серые стены, поросшие плющом, казались частью чего — то огромного, скрывающегося в недрах холма. Узкие ок-

на с витражами смотрели на приезжего с холодным равнодушием, а массивные башни, увенчанные зубцами, напоминали о временах, когда этот дом был настоящей крепостью.

Глава II. Тени детства

Блэкторн-Холл, лето 1850 года

Эдварду Рейнхарту было семь лет, когда он впервые увидел Блэкторн-Холл. Это было время, когда его мир еще не был разрушен эпидемией холеры, а родители — капитан Ричард Рейнхарт и графиня Изабелла ди Монтефельтро — были живы и полны сил. Отец, высокий мужчина с военной выправкой и шрамом на щеке, полученным в Индской кампании, только что вышел в отставку и решил показать сыну семейное поместье.

Путешествие из Лондона заняло целый день. Маленький Эдвард, одетый в бархатный костюмчик с кружевным воротником, сидел на коленях у матери в почтовой карете. Графиня Изабелла, темноволосая красавица с глазами цвета лазури, напевала ему итальянские колыбельные, чтобы заглушить тряску по ухабистой дороге.

— Guarda, Edoardo mio, — шептала она, указывая на холмы Хэмпстеда. — Скоро ты увидишь дом своих предков.

Когда карета наконец остановилась у массивных ворот, Эдвард замер от благоговейного ужаса. Блэкторн-Холл возвышался над ним, как великан из сказок. Его стены, покрытые плющом, казались бесконечными, а башни упирались в небо. Узкие окна с витражами отбрасывали цветные блики на гравийную дорожку, создавая иллюзию, что замок дышит.

Дверь отворил Томас — тогда еще молодой человек лет тридцати с жесткими чертами лица и пронизательным взглядом. Он поклонился родителям Эдварда и молча взял их багаж.

— Дядя Гилберт дома? — спросил капитан Ричард, оглядывая холл.

— Сэр Гилберт в библиотеке, — коротко ответил Томас. — Просил передать, что примет вас после обеда.

Сэр Гилберт Рейнхарт оказался сухопарым мужчиной лет пятидесяти с орлиным носом и седеющими висками. Его глаза, серые и холодные, как зимнее море, на миг смягчились, увидев племянника.

— Подойди, мальчик, — сказал он, протягивая руку с массивным перстнем. — Ты — Эдвард?

Мальчик робко приблизился и пожал руку дяди. Перстень с изображением розы впился в ладошку, оставив красный отпечаток.

— Да, сэр, — прошептал он.

— Хороший мальчик, — кивнул дядя. — Кровь Рейнхартов течет в твоих жилах. Помни об этом.

Эдвард получил комнату в восточном крыле — просторную, с огромной кроватью под балдахином и камином, в котором весело потрескивали дрова. Ночи в Блэкторн-Холле были необычными. Лондонские улицы, полные шума и света, остались позади, и здесь царила абсолютная тишина, нарушаемая лишь скрипом половиц и воем ветра в трубах.

В первую ночь Эдвард не мог уснуть. Лунный свет проникал сквозь тяжелые шторы, отбрасывая длинные тени на стены. Вдруг он услышал шаги — медленные, размеренные, доносящиеся из-за перегородки в углу комнаты. Сердце мальчика заколотилось. Он спрятался под одеяло, но любопытство пересилило страх.

Эдвард бесшумно сполз с кровати и подошел к перегородке. В ней была едва заметная щель. Прильнув к ней глазом, он увидел коридор — узкий, с низким потолком, освещенный лишь одной свечой. В конце коридора стояла женщина.

Ее нельзя было назвать призраком — она была слишком реальной. Высокая, стройная, с длинными черными волосами, ниспадающими на плечи. На ней было белое платье с высоким воротником, а лицо скрывала вуаль. Женщина медленно двигалась к лестнице, ведущей вниз, и ее шаги были абсолютно бесшумными.

Эдвард хотел закричать, но голос застрял в горле. Женщина вдруг остановилась, словно почувствовала его взгляд. Она медленно повернула голову, и мальчик увидел ее глаза — горящие зеленым огнем, пронизывающие тьму.

В этот момент раздался голос матери:

— Эдвард! Что ты делаешь?

Графиня Изабелла стояла в дверях в ночной сорочке, держа свечу. Женщина в коридоре исчезла, как будто ее и не было.

— Я.. я видел... — заикаясь, прошептал мальчик.

— Это всего лишь тени, саго mio, — мягко сказала мать, обнимая его. — Старые дома полны теней. Идем спать.

На следующий день Эдвард получил разрешение исследовать замок. Самым любимым местом стала библиотека — огромный зал с галереей, полками до потолка и запахом старой кожи и воска. Там он нашел книги, которых не было даже в лондонских клубах отца: трактаты по алхимии, рукописи на латыни, атласы звездного неба.

Однажды, перебирая книги на нижних полках, Эдвард обнаружил потайной ящик. В нем лежал дневник, переплетенный в черную кожу с серебряной застежкой. На первой странице было написано:

"Дневник Элизабет Вейн, 1811-1812"

Мальчик не смог прочитать все — многие слова были ему непонятны, но фразы вроде "Он обещал мне вечную любовь" и "Кровь Рейнхартов — моя судьба" заставили его сердце биться чаще. На последней странице был рисунок: женщина с длинными черными волосами и горящими глазами, очень похожая на ту, что он видел ночью.

Эдвард спрятал дневник обратно, но с тех пор стал замечать странности. Томас, слуга, часто исчезал по ночам. Сэр Гилберт запирали библиотеку на ночь и никому не позволял спускаться в подвал. А мать, обычно веселая и беззаботная, становилась задумчивой каждый раз, когда речь заходила о замке.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.